

УДК 81'33

Политический дискурс в языке культуры: содержание и функции

Усмонов Рустам Ахмаджонович

Доктор филологических наук,
ректор Института повышения квалификации и переподготовки
работников сферы образования Согдийской области;
735700, Таджикистан, Худжанд, ул. Сырдарьинская, 25;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Аннотация

Язык является инвариантным средством выражения политических идей и осуществления политических действий. Функционирование политического дискурса в социуме связано, с одной стороны, с выполнением им общеязыковых функций, и с другой, – с его отличием от иных видов дискурса, обусловленным его системообразующей интенцией. Политический дискурс, в силу своей многофункциональности, имеет особое значение в рамках когнитивной лингвистики, где язык выступает как механизм обеспечения взаимодействия человека и мира: мир не дан человеку непосредственно («объективно»), а создается им и интерпретируется (субъективно). Политический дискурс является одной из разновидностей институционального дискурса, вступающей в сложное взаимодействие с другими видами институциональных и неинституциональных дискурсов. Наиболее значимой из языковых функций для него является функция регулятивная/побудительная (в частности, запрет и воодушевление). Акцентированная креативность языка политики составляет специфику референтной функции, что позволяет сделать заключение о соединении в политическом дискурсе референтной и магической функций языка. Специфика социальной функциональности политического дискурса по отношению к другим видам дискурса проявляется в его базовой инструментальной функции (борьба за власть), находящей свое выражение в базовых концептах политического дискурса. В качестве примеров автор приводит высказывания современных политиков Таджикистана.

Для цитирования в научных исследованиях

Усмонов Р.А. Политический дискурс в языке культуры: содержание и функции // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. № 1-2. С. 46-57.

Ключевые слова

Язык, политика, политическая лингвистика, политический дискурс, институциональный дискурс, референтная функция языка, таджикская политика.

Введение

Связь между языком и политикой проявляется прежде всего в том, что политический режим не может существовать без коммуникации. Язык является инвариантным средством выражения политических идей и осуществления политических действий. По справедливому замечанию Е. Шейгал, «Специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал, 2000; 27]. В науке существуют мнения о том, что политическая деятельность вообще ограничена как таковая деятельностью языковой [Dieckmann, 1981; Edelman, 1964]; кроме того, в современных исследованиях язык рассматривается, в рамках субъект-субъектной философской парадигмы, не столько как средство отражения политической реальности, сколько как средство ее создания [Ealy, 1981].

Вопрос о роли и месте политического языка в культуре дискуссионен. Некоторые исследователи используют этот термин как данность; другие подвергают сомнению само существование феномена политического языка; так или иначе, по поводу места и роли политического языка в системе общенационального языка идут горячие споры.

Так, А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич не подвергают сомнению самостоятельность роли политического языка в системе коммуникации: «Политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений...» [Баранов, Казакевич, 1991]. Б.П. Паршин, напротив, высказывает мнение об отсутствии у языка политики каких-либо отличительных черт: «Совершенно очевидно, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков – русского, английского, немецкого, арабского и т.д. Такие выходы имеют место и легко поддаются идентификации и объяснению лишь в крайних случаях – подобно тому, как лишь в крайних случаях идиостилистическое своеобразие в литературе затрагивает собственно язык или процессы вербализации (как у В. Хлебникова или А. Платонова в русской литературе)» [Паршин, 2002, 183]. Ученый выдвигает тезис о том, что предметом политической лингвистики является идиополитический дискурс, под которым понимается «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [там же].

Подобную точку зрения отстаивает и Д. Грейбер: «Политическим язык делает не наличие какого-то специфического вокабуляра или специфических грамматических форм. Скорее это содержание передаваемой информации, обстоятельства, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции. Когда по-

литические агенты (actors) общаются на политические темы, преследуя политические цели, то, следовательно, они говорят на языке политики» [Graber, 1981, 196]. Можно встретить точку зрения, согласно которой языку политики не свойственна специфическая форма, но только содержание, а в формальном отношении он отличается лишь некоторым количеством канонизированных выражений и клише [Corgoran, 1979]. Очевидно, что некоторые грамматические особенности еще не дают оснований говорить о «собственной грамматике» (Ю. Степанов) политического языка, и он, вполне закономерно, может быть отнесен к разряду «профессиональных языков», или языков профессиональной сферы, отличительными чертами которых все-таки остаются не особая грамматика, но некоторые особенности лексики, семантики, узуса в целом.

Политический дискурс в языке культуры

Можно выделить сферы соприкосновения политического дискурса с другими разновидностями институционального дискурса (рекламным, научным, педагогическим, юридическим, религиозным, спортивным, военным), а также с неинституциональными формами общения (художественный и бытовой дискурс) [Шейгал, 2000]. Дискурс СМИ играет особую роль в функционировании политического дискурса, являясь одновременно и каналом осуществления политической коммуникации, и влиятельным способом интерпретации политического дискурса.

Функционирование политического дискурса в социуме связано, с одной стороны, с выполнением им общеязыковых функций, и с другой, – с его отличием от иных видов дискурса, обусловленным его системообразующей интенцией.

Важнейшей и базовой, отличительной функцией политического дискурса является его использование в качестве *инструмента политической власти*. Данная функция по отношению к языку политики настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку в целом. Поэтому для более точного анализа языка политики необходимо обратиться к другим функциям политического дискурса, которые выступают аспектами проявления его инструментальной функции.

Очевидна противоречивость функций, свойственных политической коммуникации: «Политическая коммуникация выполняет функцию посредующего звена, нередко замещающего собственно физическое насилие и делает возможным изменения в обществе в сторону упорядочивания, прокладывает путь к компромиссам, делая факты и аргументы достоянием общественности. В то же время это язык фракционности (разделения), противопоставления общества на друзей и врагов. Он может обострить различия до степени непоправимости или, наоборот, сгладить их. Его способность трансформировать общество в лучшую сторону внушает оптимизм, но широко распространенное злоупотребление им вызывает отчаяние. Итак, политическая риторика многолика: она может инфор-

мировать, воодушевлять, успокаивать, разделять и сеять вражду» [Denton, Woodward, 1985, 14].

Посвященные данному вопросу работы [Bergsdorf, 1978; Corcoran, 1979; Elder, Cobb, 1983; Denton, Woodward, 1985; Smith, Smith, 1990; Graber, 1981; Schäffner, Porsch, 1993] позволяют составить перечень важнейших функций политического дискурса в рамках его инструментальной функции:

1) **функция легитимизации власти:** объяснение и оправдание решений власти по важным государственным делам (например, 1994 г. : «нам необходимо выпустить свои деньги <...> Это объясняется необходимостью нынешнего экономического положения и Таджикистана и России, и других соседних стран» [Рахмонов, 2004, т. 1, 218]);

2) **функция воспроизводства власти:** закрепление принадлежности к системе, в частности, через использование символов (например: «Конституция – правовой документ, который законодательно закрепляет участие народа в определении формы политической власти, создании высших органов государственной власти и повышении им ответственности перед народом» [там же, 116]);

3) **функция социального контроля:** создание предпосылок для унификации поведения, мышления, эмоций и целей социальных групп, или манипуляция общественным сознанием (например: «... для того, чтобы стать достойными наследниками своих цивилизованных предков, каждый из нас должен постоянно стремиться к тому, чтобы наша Родина развивалась в ногу со временем, чтобы наше независимое государство смогло стойко противостоять воздействию нежелательных факторов современного мира и неблагоприятным последствиям процесса глобализации» [«Мы должны знать наследие предков», 2009; 46])

4) **функция ориентации:** формулирование задач и проблем, создание картины социально-политической реальности в общественном сознании (например: «Социально-экономическая политика государства Таджикистан направлена, в первую очередь, на обеспечение устойчивого экономического развития, повышение уровня и качества жизни народа, улучшение социальной защиты нуждающихся слоёв населения и создание необходимых условий для воспитания здорового и образованного поколения» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 129]);

5) **функция социальной солидарности:** объединение всего общества или отдельных социальных групп (например: «Определив в целом факторы и пути совершенствования менталитета общества, мы сможем выработать общенациональную идею, что позволит воспрепятствовать различным попыткам изоляционизма и создания паники среди народа и объединить его под стягом единства и сплочённости, национального самосознания, защиты государственной независимости Таджикистана» [Рахмонов, 2004/4; 9]);

6) **функция социальной дифференциации:** отчуждение социальных групп (например: «Наш опыт в двадцатом веке доказал, что, несмотря на все трудности и даже трагедии, интеллигенция Таджикистана показала самоотверженность, создала в стране развитую науку,

образование, культуру и медицину» [Рахмонов, 2004, т. 4, 25] – подчеркивается роль именно интеллигенции);

7) **агональная функция**: завязка и разрешение социального конфликта, выражение протеста против действий властей (например: «С помощью иностранных долларов и бесчисленных пожертвований мечетей и фанатичных исламистов эта партия смогла за короткий период создать мощную экстремистскую организацию и приобрела оружие, боевую технику и боеприпасы» [там же, т. 1, 17]);

8) **акциональная функция**: проведение политики через мобилизацию (вербовка сторонников) или «наркотизацию» (умиротворение) населения (например: «Давайте плечом к плечу восстанавливать разрушенную экономику страны» [та же, 58]; и: «Целенаправленный и устойчивый рост национального самосознания, растущее тепло чувств патриотизма в сердцах честных и благородных сыновей нации, проявляющееся в их созидательном труде, в чем я полностью убедился во время своих поездок в города и районы страны, являются убедительным доказательством <...> благодарности и уважения» [там же, т. 4, 286]);

9) **распространение информации**: сообщение о состоянии дел в политике (например: «Мы поддерживаем инициативы Генерального секретаря ООН по реформированию миротворческого механизма, считаем, что необходимо и дальше оказывать миротворцам необходимую политическую, финансовую и материально-техническую поддержку, помогая им справиться со своей нелёгкой миссией» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 166]);

10) **функция выдвижения**: выдвижение определенных вопросов в центр общественного внимания, контроль за распространением информации (например: «...обращаю ваше внимание на необходимость взвешенного и осторожного подхода к данным вопросам, недопущения перегибов и выхода за рамки установленного протокола и государственной атрибутики» [Рахмонов, 2004, т. 4, 171]);

11) **проекция в будущее и прошлое**: прогнозирование и воссоздание прошлого как аргументативный прием («Главная наша цель – это создание конкурентоспособной экономики, и вывести в ближайшем будущем Таджикистан в число процветающих стран с развитой инфраструктурой, демократическими ценностями при повышении уровня жизни таджикского народа» (Х.Зарифи) [Дипломатия Таджикистана, 2009, 212]; «Авестийская культура появилась ещё три тысячи лет тому назад, и толчком к этому послужила необходимость объединения народов, принадлежащих к арийской расе. Мы, в качестве действительных наследников своих предков, наряду с празднованием независимости, будем отмечать также 2700-летие «Авесты», древнейшего образца нашего письменного наследия» [Рахмонов, 2004, т. 4, 129]).

Мобилизация к действию – акциональная функция политического дискурса, – по признанию Е.И. Шейгал, является, пожалуй, наиболее значимым проявлением инструментальной функции языка политики, который должен стимулировать к совершению действий. Стимулирование может осуществляться в форме прямого обращения (в жанрах лозунгов, призывов и прокламаций, в законодательных актах), либо через создание соответствующего

эмоционального настроения (надежда, страх, гордость за страну, уверенность, чувство единения, циничность, враждебность, ненависть), а также через речевые акты, являющиеся заместителями действий – угроза, обещание, обвинение. Важным стимулом к политическим действиям служат такие речевые акты, как выражение поддержки и доверия [Шейгал, 2000, 50]: «... я полностью доверяю вам и уверен в том, что вы с честью справитесь с поставленными перед вами задачами и обеспечите мир, спокойствие и законность в стране» – из обращения Эмомали Рахмонова на совещании работников правительственных органов и военных структур в 2002 г. [Рахмонов, 2004, т. 4, 252].

Политический дискурс, в силу своей многофункциональности, имеет особое значение в рамках когнитивной лингвистики, где язык выступает как механизм обеспечения взаимодействия человека и мира: мир не дан человеку непосредственно («объективно»), а создается им и интерпретируется (субъективно); Р. Лангакер даже предлагает собственное определение дискурса как способа отражения мира, созданного субъектом [Langacker, 1987].

Политики, выступающие в роли интерпретаторов происходящих событий, формируют мнение о них в социуме. Так, на пресс-конференции с представителями средств массовой информации по итогам 2008 года замминистра финансов Республики Таджикистан Д.К. Нуралиев заявляет: «...несмотря на мировой финансовый и энергетический кризисы, холодную зиму и маловодье, повлиявшие на экономику Республики Таджикистан, в целом развитие государственных финансов, реализация новых инициатив в политической и экономической жизни страны были ощутимыми» [Нуралиев, 2009, www], хотя в то же время, призывая помощь мирового сообщества, Эмомали Рахмон заявляет: «Резкий рост мировых цен на основные продукты питания негативно сказался на Таджикистане <...> Таджикистан столкнулся с аномальными холодами, маловодьем и засухой, что привело к энергетическому и продовольственному кризисам и вследствие этого – к значительному снижению уровня социально-экономического положения населения страны. <...> Таджикистану очень сложно самостоятельно решить эти задачи» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 224]. При этом те политические фигуры, чьи дефиниции (номинации) принимаются обществом, получают неоспоримое преимущество. Д. Хан сравнивает дефиницию (наименование) с шорами: фокусируя внимание на одном, интерпретация исключает из поля зрения другое: «Могущество дефиниции – в ее способности создавать или разрушать» [Hahn, 1998, 65].

Среди важнейших общеязыковых функций политического дискурса – *креативная*, «такое положение дел, при котором языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым» (Е.И. Шейгал). Так, в лексике социалистического периода «Многие «образцово-социалистические» явления (*НЭП, ГОЭРЛО, субботник, ударничество, спецраспределитель, перестройка*) появились вначале на бумаге как словесные конструкторы. Вообще вся история утопического социализма – яркое подтверждение креативной функции языка» [Норман, 1997, 30]. Креативная функция языка связана с недостаточным знанием респондентами ситуации: лакуны в знании заполняются словоформами и метафорами, когнитивными

конструкциями, которые в силу особенностей психики принимаются за прямое отражение непосредственной реальности. Креативная функция языка, являясь неотъемлемой частью его функционирования и человеческого познания, в то же время, может привести к потере способности к критическому мышлению при условии, что человек злоупотребляет словесным конструированием ситуации, теряя связь с реальным миром. Структурирование реальности с помощью изъятия или внедрения новых понятий стало отличительным знаком тоталитарного дискурса: ««Старшему поколению в нашей стране хорошо известен опыт произвольного изъятия из обращения целого ряда понятий, таких, например, как *донос, сострадание, Бог, достоинство, доверие, честь* и насаждения новых типа *коллективизация, враг народа, пролетарская культура, классовый подход, социалистический реализм*» [Ключарев, 1995, 215].

Также немаловажной общеязыковой функцией политического дискурсе, связанной с креативной, является *магическая («заклинательная»)*. Отношение к слову как к магической силе основано на неконвенциональной трактовке языкового знака (представление о том, что имя является частью самого предмета). Человек современности в определенной мере сохраняет веру в словесную магию, что проявляется не только в религиозном, но и в политическом дискурсе. Р. Барт, характеризуя политический язык как язык, который «вырабатывается непосредственно в ходе политического *праксиса* и в силу этого направлен скорее на *производство*, чем на *отражение*», отмечает, что «устранение или возвеличивание слов обладает в нем едва ли не магической действенностью, с упразднением слова как бы упраздняется и референт – запрет на слово «дворянство» воспринимается как ликвидация самого дворянства» [Барт, 1994, 526].

Наиболее значимые и распространенные проявления магической функции языка в современном политическом дискурсе – табуистические замены или эвфемизмы, которые, кроме того, преследуют цели идеологического контроля и манипулирования массовым сознанием [Мечковская, 1998, 134]. Э. Кассирер отмечает, что в государстве тоталитарного типа политические лидеры принимают функции, которые в первобытном обществе были возложены на колдунов и шаманов, – избавление от социального зла и предсказание будущего. «Наши политики очень хорошо знают, что большие массы людей легче привести в действие с помощью силы воображения, чем применяя грубую физическую силу <...>. Политики стали чем-то вроде предсказателей судьбы, пророчество превратилось в существенный элемент новой техники управления. Они обещают самые невероятные и даже совершенно невозможные вещи, снова и снова сулят людям «золотой век» [Кассирер 1996, 206-208].

Эта функция весьма плодотворна в таджикском политическом дискурсе. Так, замминистра иностранных дел Республики Таджикистан С.А. Насриддинов отмечает на Евразийском экономическом форуме: «Душанбе и его жители устремлены только в светлое будущее» [Дипломатия Таджикистана, 2005, 123]. Министр иностранных дел Х. Зарифи утверждает в интервью казахской газете «Деловая неделя»: «Главная наша цель – это создание конкурентоспособной экономики, и вывести в ближайшем будущем Таджикистан в число процвета-

ющих стран с развитой инфраструктурой, демократическими ценностями при повышении уровня жизни таджикского народа» [Дипломатия Таджикистана, 2009, 258].

Особенно ярко эта функция проявляется в рамках дискурса действующей власти и президентского дискурса. Так, в 1993 году Эмомали Рахмон усматривает знак светлого будущего в том, что совпадают сроки празднования Рамазана и Навруза: «Здесь заключена закономерность нашей жизни – нас ждет светлое и радостное будущее» [Рахмонов, 2004, т. 1, 36], хотя в целом в этот период в политическом дискурсе официального Таджикистана образ светлого будущего рассматривается только как цель, для достижения которой нужны солидарность, сплочение, усиление роли образования и т.д. В 1996 г. политика государства уже рассматривается как закономерный путь к светлому будущему: «Каждый час и день, отсчитываемые со времени славной даты обретения нашей страной независимости, являются вехами на нашем пути к лучшему будущему, поскольку наше государство заботится о народе, а народ защищает свое государство» [там же, 352]. Уверенность в светлом будущем страны подчеркивается (1997): «Я вполне уверен, что наш Таджикистан в ближайшем будущем превратится в одну из популярных и развитых стран мира» [там же, т. 2, 101], естественно, при сохранении существующего политического курса. В 1998 году уже говорится о преодолении препятствий к светлому, передовому будущему: «Все эти усилия позволили избавить многострадальный народ страны от разочарований и открыть перед ним путь к светлому будущему и передовому обществу» [там же, 245]. В 1999 году светлое будущее рассматривается как недалекое уже состояние: «Недалек тот день, когда Таджикистан, благодаря этим усилиям народа, вступит в светлое будущее» [там же, т. 3, 21]; «Пройдет по историческим меркам совсем немного времени, может два-три десятилетия, в третьем тысячелетии будущее поколение таджикстанцев увидит зрелое демократическое, светское, правовое общество, созданное их и нашими руками» [там же, 151]. В 2000 году одним из факторов светлого будущего объявляется славное прошлое народа: «Факелом на нашем пути к светлому будущему являются древние традиции нашего народа, великое культурное наследие нашей нации и славная история нашей страны» [там же, 277]. Далее, как показывает метафорика политического дискурса официального Таджикистана, образ великого прошлого будет положен в основу доктрины национальной идентичности.

Магическая функция политического дискурса (в противопоставлении рациональному, осмысленному использованию языка) проявляется в пропаганде, насыщенной лозунгами, ритуалами и символикой: флагами, плакатами, парадами, постоянной демонстрацией власти [Bosmajian, 1983, 17].

Заключение

Таким образом, политический дискурс является одной из разновидностей институционального дискурса, вступающей в сложное взаимодействие с другими видами институцио-

нальных и неинституциональных дискурсов. Наиболее значимой из языковых функций для него является функция регулятивная/побудительная (в частности, запрет и воодушевление). Акцентированная креативность языка политики составляет специфику референтной функции, что позволяет сделать заключение о соединении в политическом дискурсе референтной и магической функций языка. Специфика социальной функциональности политического дискурса по отношению к другим видам дискурса проявляется в его базовой инструментальной функции (борьба за власть), находящей свое выражение в базовых концептах политического дискурса.

Библиография

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 64 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
3. Дипломатия Таджикистана. 2005. №12. 170 с.
4. Дипломатия Таджикистана. Ежегодник-2008. Душанбе, 2009. 222 с.
5. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Антология культурологической мысли. М.: РОУ, 1996. С. 204-209.
6. Ключарев Г.А. Языковая реальность и политический имидж // Обновление России: трудный поиск решений. М., 1995. Вып. 3. С. 211-216.
7. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
8. «Мы должны знать наследие предков»: ориентиры нации и Уммы в политическом языке современного Таджикистана. Воронеж, 2009. 105 с.
9. Норман Б.Ю. О креативной функции языка (на материале славянских языков) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 30.
10. Нуралиев Д.К. Выступление на пресс-конференции с представителями средств массовой информации, 30 января 2009. URL: <http://minfin.tj/index.php?newsid=26>
11. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Проблемы прикладной лингвистики = Scripta linguisticae applicate. М., 2002. С. 181-208.
12. Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации: в 4-х тт. Душанбе: Ирфон, 2004.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.
14. Bergsdorf W. Politik und Sprache. Munchen, Wien: Olzog, 1978. 320 S.
15. Bosmajian H.A. The language of oppression. New York & London: University press of America, 1983. 156 p.
16. Corcoran P.E. Political language and rhetoric. Austin: Univ. of Texas Press, 1979. 216 p.

17. Denton R.E. Jr., Woodward G. C. Political communication in America. New York: Praeger, 1985. 366 p.
18. Dieckmann W. Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe. Heidelberg: Winter, 1981. 279 p.
19. Ealy S. Communication, speech and politics. Washington, D. C.: University Press of America, 1981. 244 p.
20. Edelman M. The symbolic uses of politics. Urbana: University of Illinois press, 1964. 164 p.
21. Elder C. D., Cobb R.W. The political uses of symbols. New York: Longman, 1983. 173 p.
22. Graber D.A. Political languages // Handbook of political communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195-224.
23. Hahn D.F. Political communication: rhetoric, government and citizens. State College (Pennsylvania): Strata Publishing Inc., 1998. 290 p.
24. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites. Stanford (Ca.): Stanford Univ. press, 1987. 516 p.
25. Schäffner C., Porsch P. Meeting the challenge on the path to democracy: discursive strategies in government declarations in Germany and the former GDR // Discourse and society. 1993. № 4 (1). P. 33-55.
26. Smith C.A., Smith K.B. The rhetoric of political institutions // New directions in political communication; a resource book. Newbury Park: Sage, 1990. P. 225-254.

Political discourse in the language of culture: content and functions

Rustam A. Usmonov

Doctor of philology,
rector of the Teachers Training Institute of the Sughd Region;
735700, 25 Sir Darya st., Khujand, Tajikistan;
e-mail: us.rustam59@mail.ru

Abstract

Language is an invariant means of expressing political ideas and carrying out political actions. The functioning of political discourse in society is connected, on the one hand, with the performance of general language functions, and on the other, with its difference from other types of discourse, conditioned by its system-forming intention. Political discourse, due to its multi-functionality, is of particular importance in the framework of cognitive linguistics, where language acts as a mechanism for ensuring the interaction of man and the world: the

world is not given to man directly ("objectively"), but is created and interpreted (subjectively). Political discourse is one of the varieties of institutional discourse entering into a complex interaction with other types of institutional and non-institutional discourses. The most significant of the language functions is the regulatory / incentive function (in particular, prohibition and enthusiasm). Accentuated creativity of the language of politics constitutes the specifics of the reference function, which allows us to conclude that the language of referent and magical functions is connected in the political discourse. Specificity of the social functionality of political discourse in relation to other types of discourse manifests itself in its basic instrumental function (power struggle), which is expressed in the basic concepts of political discourse. As for examples, the author cites the statements of contemporary Tajikistan politicians.

For citation

Usmonov R.A. (2016) Politicheskii diskurs v yazyke kul'tury: sodержanie i funktsii [The traditions of the documentary features of Russian literature in Yury Trifonov's prose]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 7 (1-2), pp. 46-57.

Keywords

Language, politics, political linguistics, political discourse, institutional discourse, the reference function of language, Tajik politics.

References

1. "My dolzhny znat' nasledie predkov": orientiry natsii i Ummy v politicheskom yazyke sovremennogo Tadzhikistana ["We must know the heritage of our ancestors": the guidelines of the nation and the Ummah in the political language of modern Tajikistan] (2009). Voronezh.
2. Baranov A.N., Kazakevich E.G. (1991) *Parlamentskie debaty: traditsii i novatsii* [Parliamentary debate: traditions and innovations]. Moscow: Znanie Publ.
3. Barthes R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ.
4. Bergsdorf W. (1978) *Politik und Sprache*. Munchen, Wien: Olzog.
5. Bosmajian H.A. (1983) *The language of oppression*. New York & London: University press of America.
6. Cassirer E. (1996) Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technology of contemporary political myths]. In: *Antologiya kul'turologicheskoi mysli* [Anthology of cultural thought]. Moscow: ROU Publ., pp. 204-209.
7. Corcoran P.E. (1979) *Political language and rhetoric*. Austin: Univ. of Texas Press.
8. Denton R.E. Jr., Woodward G.C. (1985) *Political communication in America*. New York: Praeger.

9. Dieckmann W. (1981) *Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe*. Heidelberg: Winter.
10. *Diplomatiya Tadjikistana* [Diplomacy of Tajikistan] (2005), 12.
11. *Diplomatiya Tadjikistana. Ezhegodnik-2008* [Diplomacy of Tajikistan. Yearbook-2008] (2009). Dushanbe.
12. Ealy S. (1981) *Communication, speech and politics*. Washington, D. C.: University Press of America.
13. Edelman M. (1964) *The symbolic uses of politics*. Urbana: University of Illinois press.
14. Elder C.D., Cobb R.W. (1983) *The political uses of symbols*. New York: Longman.
15. Graber D.A. (1981) Political languages. In: *Handbook of political communication*. Beverly Hills, London: Sage Publications, pp. 195-224.
16. Hahn D.F. (1998) *Political communication: rhetoric, government and citizens*. State College (Pennsylvania): Strata Publishing Inc.
17. Klyucharev G.A. (1995) Yazykovaya real'nost' i politicheskii imidzh [Language reality and political image]. In: *Obnovlenie Rossii: trudnyi poisk reshenii* [Renewing Russia: a difficult search for solutions]. Moscow, pp. 211-216.
18. Langacker R. (1987) *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites*. Stanford (Ca.): Stanford Univ. press.
19. Mechkovskaya N.B. (1998) *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow: FAIR Publ.
20. Norman B.Yu. (1997) O kreativnoi funktsii yazyka (na materiale slavyanskikh yazykov) [On the creative function of language (on the material of Slavic languages)]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], 4, pp. 30.
21. Nuraliev D.K. (2009) *Vystuplenie na press-konferentsii s predstavitel'yami sredstv massovoi informatsii* [Speech at a press conference with representatives of the media]. Available at: <http://minfin.tj/index.php?newsid=26> [Accessed 13/05/2016].
22. Parshin P.B. (2002) Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoi lingvistiki [Research practices, subject and methods of political linguistics]. In: *Problemy prikladnoi lingvistiki = Scripta linguisticae applicate*. Moscow, pp. 181-208.
23. Rakhmonov E. (2004) *Nezavisimost' Tadjikistana i vozrozhdenie natsii* [Independence of Tajikistan and the rebirth of the nation]: in 4 vols. Dushanbe: Irfon Publ.
24. Schäffner C., Porsch P. (1993) Meeting the challenge on the path to democracy: discursive strategies in government declarations in Germany and the former GDR. *Discourse and society*, 4 (1), pp. 33-55.
25. Sheigal E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa. Doct. Diss.* [The semiotics of political discourse. Doct. Diss.]. Volgograd.
26. Smith C.A., Smith K.B. (1990) The rhetoric of political institutions. In: *New directions in political communication; a resource book*. Newbury Park: Sage, pp. 225-254.